

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

не превращаются и не воспримут и не...
ему. Витра существа нашего, въ труднѣй и основѣ сущности
есть чувство, которое, независимо отъ желательнаго, влечетъ къ
дѣлу и добродѣли, всюя влечетъ въ себя, это само по себѣ
еще не дѣло, что является, оно является, оно является, оно
позволяетъ, тогда вънутрь влечетъ въ себя и посю
та, влечетъ въ себя и посю, влечетъ въ себя и посю, влечетъ въ себя и посю

ПРИБАВЛЕНІЯ
КЪ ВОРОНЕЖСКИМЪ
ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

№ 4.

15-го Февраля. 1870 года.

— *Содержаніе.* — Слово въ недѣлю мясопустную. — Родословіе Господа Іисуса Христа. — Нѣсколько психологич. замѣчаній. — Замѣтка. — Разныя извѣстія. —

С Л О В О

въ недѣлю мясопустную.

И идутъ сіи (грѣшники) въ муку вѣчную; праведницы же въ животъ вѣчный. Матѣ. 25, 46.

И такъ, не здѣсь, не на землѣ, конецъ всѣмъ нашимъ желаніямъ и дѣствіямъ; не здѣсь, не въ этомъ мірѣ та главная цѣль, для достиженія которой всѣ мы сотворены и предназначены; не эта привременная и многмятежная жизнь составляетъ послѣдній предѣлъ для безсмертнаго духа нашего: есть иной міръ, другое виталище для душъ нашихъ, другая и вѣчная жизнь, въ которую всѣ мы безъ исключенія перейдемъ и въ которой дадимъ отчетъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ праведному Судии-Богу. Истину эту, какъ слышали мы въ нынѣ чтенномъ Евангеліи, ясно и въ живыхъ чертахъ возвѣщаетъ намъ слово Божіе. И мы вѣруемъ, что дѣйствительно на ступить и долженъ настать нѣкогда *день Господень*, въ который поставятся престолаы и сядетъ Судія, книги разгнутся и всѣ земнородные окончательно получатъ достойное возмездіе *подъломъ своимъ.*

Есть въ душѣ нашей совѣсть, нѣкоторый внутренній голосъ, повелѣвающий намъ всегда любить доброе и ненавидѣть злое, стремиться къ лучшему и отвращаться гнуснаго, избирать честное и отвергать все низкое и неблагогородное. Не сонъ и не мечта въ насъ это чувствоваіе;

не предразсудокъ и не воспитаніе положили въ душѣ нашей начало ему. Внутри существа нашего, въ глубинѣ и основѣ сердца нашего есть чувство, которое, независимо отъ человѣческихъ впечатлѣній, сужденій и соображеній, ясно внушаетъ всѣмъ намъ, что само по себѣ хорошо или дурно, что законно или незаконно, позволительно или не позволительно; голосъ Божій внутри человѣка вѣщаетъ вездѣ и повсюду, внятнѣе болѣе или менѣе, всѣмъ и каждому; зародышъ добра глубоко вѣдренъ въ существѣ нашемъ и неискоренимъ окончательно. Припомните, бр., исторію Каина и Авеля и скажите: былъ ли и даже можетъ ли быть на свѣтѣ человѣкъ, который бы полюбилъ убійцу—Каина и пожелалъ имѣть подобный же злобный нравъ? О, нѣтъ! наше сердце съ ужасомъ отвращается отъ братоубійцы Каина, съ омерзениемъ смотритъ на его злобныя дѣйствія; оно всецѣло ненавидитъ Каина? и глубоко скорбитъ объ Авелѣ. Чегожь за причина, гдѣ основаніе тому, что мы презираемъ, искренно ненавидимъ Каина и всѣхъ подобныхъ ему? А читая исторію о цѣлому древному Иосифѣ, о кроткомъ Давидѣ мы внутренно услаждаемся, сердечно любимъ, восхваляемъ ихъ и съ удовольствіемъ желаемъ подобитися имъ, стяжать ихъ качества и усвоить себѣ ихъ нравъ. Отъ чего это? О, по истинѣ мы отъ природы имѣемъ понятіе о добродѣтели и пороцѣ, независимо отъ человѣческаго образованія услаждаемся первою и отвращаемся послѣдняго, безъ всякой науки, по одному внутреннему чувству, намъ извѣстно, что составляетъ истинное достоинство или безчестіе человѣка. Чувство добра и зла лежитъ какъ въ душѣ дитяти, такъ и пре старѣлаго мужа. Отсюда то собственно и различіе въ дѣлахъ нашихъ; по этому то мы обыкновенно радуемся и внутренно торжествуемъ по совершеніи и какого нибудь добраго дѣла; и напротивъ, скорбимъ и болѣзнуемъ, ненавидимъ себя и досадуемъ на все окружающее, когда поступимъ въ чемъ нибудь несправедливо противъ Бога.

Если, такимъ образомъ, внутри существа своего, въ глубинѣ своего сердца находимъ мы нѣкоторый коренной и неизмѣнный законъ; то очевидно, есть и долженъ быть уже и Законодатель, на сдѣлавшій въ природѣ нашей законъ. Если же внутри насъ есть законъ; то ясно, Законоположникъ и Судія потребуетъ нѣкогда отъ насъ отчета въ исполненіи или неисполненіи его; если есть различіе въ дѣлахъ нашихъ, если намъ врождено понятіе о добрѣ и злѣ; то, конечно, долженъ быть день, когда награда подвиги благочестивыхъ и достойно накажется злоба нечестивыхъ. Такимъ образомъ собственная совѣсть наша ясно говоритъ намъ обудущемъ судѣ.

Всматриваясь, далѣе, въ положеніе людей въ мірѣ семъ, мы видимъ, что здѣсь, на сей ветхой землѣ, подъ симъ ветхимъ небомъ, нѣтъ полной и совершенной награды людямъ благочестивымъ и достойнаго наказанія нечестивымъ. Но ужели нечестивыя и дерзкія уста всегда бу-

дуть богохульствовать и никогда не заградятся? Ужели тотъ, который во всемъ здѣсь не доволенъ, все осуждаетъ и отвергаетъ, во всемъ идетъ противъ Создателя своего, грѣхами и беззаконіями растлѣваетъ и тѣло и душу свою, не уважаетъ даровъ небесныхъ и *злѣ погубляетъ* ихъ, ужели этотъ нечестивецъ всегда будетъ возмущать челоуѣчество и не получитъ достойнаго наказанія *по дѣломъ своимъ*? Сколько нечестія и беззаконія на сей ветхой землѣ? Сколько явныхъ и тайныхъ преступленій и злодѣяній между людьми? Ужели же все это грѣшному челоуѣчеству пройдетъ даромъ и никогда не отмстится? Ужели грѣшникъ всегда будетъ *висѣться, яко кедръ ливанскій*, вѣчно будетъ блаженствовать, какъ здѣсь теперь блаженствуетъ? О, конечно, будетъ время, когда всѣ соблазны міра сего вполнѣ обнажатся, когда высота челоуѣческая, гордость смертныхъ падетъ и смирится сама собою и вознесется Богъ единъ. Люди благочестивые, труженики добра, ревнители и подвижники правды, большею частію, терпятъ здѣсь гоненія и скорби, страданія и бѣдствія. Они *не суть отъ міра сего*; а потому міръ ненавидитъ ихъ; нѣтъ имъ здѣсь части и жребія; все ихъ утѣшеніе, вся ихъ помощь состоитъ въ единомъ упованіи на Бога; они не имѣютъ здѣсь пребывающаго града, не ищутъ благъ, не пользуются сокровищами міра сего: когда другіе съ избыткомъ, до излишества пресыщаются ими, они обыкновенно алчутъ и жаждутъ; когда слава и богатство посредѣ дому другихъ, они претерпѣваютъ нищету, бѣдность и поношеніе. Укажите намъ хоть одного добродѣтельнаго, который бы *ложжа своего не омочалъ слезами и питія своего не растворялъ плачемъ*? Если же за добродѣтель нѣтъ на землѣ полной награды, а за нечестіе достойнаго наказанія; то, конечно, должна быть другая жизнь, въ которой нераскаянные грѣшники наслѣдуютъ вѣчное мученіе, а праведницы живутъ вѣчный: должно же когда нибудь возсіять правдѣ Божіей, которая не можетъ не отличать праведника отъ грѣшника!

И такъ, бр., будетъ, непременно будетъ за гробная жизнь! Ее предчувствуемъ и предощушаемъ мы уже въ себѣ самихъ, внутри своего существа. Сколько бы грѣшники и нечестивцы ни старались заглушить въ себѣ голосъ совѣсти, сердце ихъ невольно трепещетъ и духъ мятежится, представляя себѣ беспорядочную жизнь и всѣ послѣдствія ея. Чего бы имъ страшиться и смущаться, если бы сердце ихъ тайно не вѣровало въ будущую жизнь и въ праведное воздаяніе каждому *по дѣломъ*? Напротивъ, ясно видимъ, что челоуѣкъ истинно-благочестивый, среди самыхъ тяжкихъ несчастій и злоключеній житейскихъ, бываетъ твердъ, какъ скала и алмазъ, не поколебимъ, *яко гора Сионъ*, благодушенъ и тѣрипливъ, какъ праведный Іовъ. Не надежда ли безсмертія воодушевляетъ его? не будущая ли награда услаждаетъ горькія минуты жизни его? Да, точно, какъ нечестивецъ, при всемъ видимомъ счастіи, на верху земнаго блаженства, среди всѣхъ временныхъ наслажденій и упо-

коеній, часто тайно, нерѣдко безсознательно, скорбятъ и кручинятся, стонеть и въздыхаетъ, горюетъ и плачетъ отъ внутренняго предчувствія безсмертія, отъ предощущенія грозной будущности; такъ праведникъ живеть и крѣпится благодушествуетъ и торжествуетъ на скорбномъ попришѣ жизни сей, питаясь тѣмъ же предчувствіемъ безсмертія, тѣмъ же предощущеніемъ блаженной вѣчности: это предчувствіе и предощущеніе не истребимы и не искоренимы въ природѣ нашей!

Братіе христіане! *Лежитъ чело́вѣку единой у́мрети, потомъ же судъ.* (Евр. 9, 27.) Рано или поздно всѣ мы умремъ, *приложимся къ отцамъ своимъ и воспримемъ до́жня по дѣломъ своимъ.* Будемъ же всегда помнить это; при помощи благодати Божіей очистимъ себя отъ всякія скверны плоти и духа, содѣлаемся совершеннѣйшими христіанами. и тогда не омиѣнно наслѣдуемъ блаженную вѣчность: въ противномъ случаѣ вѣчное мученіе и вѣчная горе будутъ удѣломъ нашимъ. Такъ внушаетъ намъ св. вѣра: тоже проповѣдуетъ и здравый разумъ! Аминь.

СЛИЧЕНІЕ РОДОСЛОВІЯ СПАСИТЕЛЯ ПОМѢЩЕННАГО У ЕВАНГЕЛИСТОВЪ МАТЕЕЯ И ЛУКИ, СЪ РОДОСЛОВІЕМЪ КН. ПАРАЛИПОМЕНОВЪ И ОБЪЯСНЕНІЕ ВСТРѢЧАЮЩИХСЯ МЕЖДУ НИМИ РАЗНОГЛАСІЙ.

Объясненіе родословія Спасителя помѣщеннаго въ первой главѣ (1—17) Евангелія Маттея, и примиреніе не согласій и кажущихся противорѣчій, встрѣчающихся при сравненіи его, съ родословіемъ помѣщеннымъ въ третьей главѣ (23—28) Евангелія Луки, и затѣмъ съ родословіемъ кн. Паралипоменовъ, имѣетъ свою длинную исторію. Исторія эта, можно сказать, также стара, какъ и самое родословіе Евангелиста Маттея. Еще съ первыхъ вѣковъ христіанства комментаторы и толкователи св. писанія останавливали свое вниманіе на разностяхъ и кажущихся противорѣчійхъ упомянутыхъ родословіи и старались примирить и объяснить ихъ. Но не у всѣхъ Отцовъ и Учителей церкви отзвѣвы относительно этого предмета строго согласны между собою: такое явленіе зависѣло, главнымъ образомъ, отъ свойства самаго предмета, надъ уясненіемъ и рѣшеніемъ котораго трудились они. Свѣдѣнія о древней исторіи Евреевъ, не смотря даже на важныя археологическіе и критическіе труды новѣйшихъ ученыхъ, и въ настоящее время такъ еще недостаточны, что рѣшительно нѣтъ возможности и вѣрно и вполне удовлетворительно объяснить всѣхъ недоумѣній и трудностей, встрѣчающихся при разборѣ родословія Спасителя, помѣщеннаго въ св. книгахъ, какъ ветхаго, такъ и новаго заветъа. При томъ—и это главное въ христіанской вѣрѣ, кромѣ поименованныхъ списковъ родословія Спасителя, записанныхъ въ книгахъ св. писанія, не перешло ни одного

родословія этой линіи, такъ уважаемой іудеями и безсомнѣнія имѣвшей въ свое время значительное число списковъ. Уничтоженіе этихъ списковъ, равно какъ и списковъ родословія всѣхъ другихъ колѣнъ и линій, историки приписываютъ обыкновенно Проду, который, будучи не доволенъ своимъ низкимъ происхожденіемъ, составилъ планъ—собрать и сжечь въ храмѣ вмѣстѣ съ храмовыми архивами всѣ древніе генеалогіи и дипломы разныхъ фамилій іудейскаго народа,—документы, которые были для этихъ фамилій предметомъ гордости и надежды, какъ свидѣтельствующіе о ихъ происхожденіи. Эта мѣра повторялась потомъ нѣсколько разъ узурпаторами или тиранами, которые желали изгладить всѣ историческія воспоминанія націи, разомъ разрушить всѣ права, всѣ титулы благородства и всѣ претензіи на тронъ, чтобы возстановить общее равенство (см. *Serp. La vie de N. S. Jesus christ*, t. 1, p. 184). Такимъ образомъ книги св. писанія остались единственнымъ источникомъ для родословія Спасителя. Не удивительно по этому, что, какъ для древнихъ комментаторовъ и толкователей св. писанія, такъ и для новѣйшихъ изслѣдователей, родословіе Спасителя служило и служить камнемъ преткнанія, представляетъ широкое поле для вѣроятностей и догадокъ,—часто довольно произвольныхъ. Отъ такого свойства самаго предмета исторія объясненія и примиренія родословія Спасителя исполнена болѣе предположеній и догадокъ, чѣмъ зрѣлыхъ законченныхъ сужденій. Съ другой стороны это же свойство предмета какъ въ древнее, такъ особенно въ настоящее время подавало и подаетъ поводъ противникамъ христіанства къ возраженіямъ и всякаго рода нареканіямъ на Евангельскія сказанія. 1) Новѣйшая рационалистическая критика и особенно такъ называемая, школа «миенстовъ», представителями которой служатъ Штраусъ, Ренанъ и др., на основаніи запутанности и мнимыхъ противорѣчій, встрѣчающихся въ родословіи Спасителя, заподозрила подлинность самыхъ Евангелій. Эти различія кажутся критикамъ рационалистамъ такъ радикальными и не примиримыми между собою, что они вполне готовы признать самыя родословія Спасителя за *апокрифы*, или что еще хуже—готовы считать «совершенно ложнымъ одно изъ этихъ родословіи, или оба вмѣстѣ.» 2) Но такой рѣзкій выводъ скорѣе можно назвать поспѣшнымъ, чѣмъ сколько нибудь вѣроятнымъ; онъ обнаруживаетъ только не рациональный приѣмъ критики рационалистовъ и ихъ стремленіе, вмѣсто внимательнаго и всесторонняго объясненія и рѣшенія предмета, полнымъ отрицаніемъ разомъ отдѣлаться отъ всѣхъ недоумѣній и трудностей, встрѣчающихся при изученіи этого предмета, потому что отри-

1) Еще Порфирій указывая на эти мнимыя противорѣчія Евангелистовъ и между прочимъ на нихъ основывалъ свое неблагоприятное отношеніе къ Евангельскимъ сказаніямъ. См. *Curs complet*, t. XXI, p. 170.

2) Eichthal. *Les Evangiles*, t. I. 160, 165.

паніе — особенно бездоказательное — далеко проще утверждения, требующаго дальнѣйшаго развитія. Если гдѣ, то именно въ сужденіи о родословіи Спасителя претензія, при настоящихъ данныхъ, сказать последнее слово о предметѣ — не рациональна и опасна. Здѣсь умѣстны и возможны только попытки къ уясненію и примиренію разногласіи между священными писателями, а неокончательное рѣшеніе этихъ разногласій: потому что, гдѣ необходимы гипотезы и частыя догадки, тамъ еще нѣтъ и не можетъ быть рѣчи объ окончательныхъ и притомъ строго-научныхъ выводахъ. Послѣ всего этого самую собою понятно, что приступая къ объясненію и примиренію разностей въ родословіяхъ Спасителя, мы не имѣемъ въ виду окончательно рѣшить всѣхъ недоумѣній и трудностей необходимо и такъ часто возникающихъ при изученіи этого предмета, а должны ограничиться только возможно полнымъ и обстоятельнымъ изложеніемъ сужденій и взглядовъ на эти разности, взглядовъ кажущихся намъ болѣе подходящими къ истиѣ.

На первый взглядъ родословіе Спасителя, помѣщенное въ первой главѣ Евангелія Матѳея, кажется расходящимся съ такимъ родословіемъ, записаннымъ въ третьей главѣ Евангелія св. Луки, такъ что представляется очень труднымъ сколько нибудь удовлетворительное примиреніе ихъ разностей. Но при болѣе внимательномъ изученіи самыхъ родословій въ связи съ историческими и археологическими данными, разности между родословіями являются далеко не такъ важными, какими кажутся онѣ на первой поверхностный взглядъ. Какъ ни бѣдны въ настоящее время свѣдѣнія о древней исторіи евреевъ, но онѣ проливаютъ довольно свѣта и даютъ средства, къ вѣрному сужденію и объясненію разностей и кажущихся противорѣчій въ разбираемомъ нами предметѣ. Благодаря этимъ даннымъ, въ самомъ родословіи Спасителя открываются общія сходныя черты и пункты служащія точками соприкосновенія между различными свящ. писателями и съ тѣмъ вмѣстѣ указывающія путь къ дальнѣйшему объясненію и примиренію встрѣчающихся между ними не согласій. — Всѣ эти разности и кажущіяся противорѣчія между свящ. писателями въ изложеніи родословія Спасителя легко сводятся къ двумъ именно: 1) къ разности между св. писателями заключающейся въ счетѣ предковъ Спасителя и 2) къ разности въ употребленіи неодинаковыхъ именъ.

При сравненіи родословія Спасителя, помѣщеннаго въ Евангеліи св. Матѳея, съ такимъ же родословіемъ, записаннымъ Евангелистомъ Лукою, прежде всего не можетъ не обратить на себя вниманія изслѣдователя этихъ родословій, разность въ самомъ началѣ и порядкѣ счета предковъ Богочеловѣка — Иисуса. Евангелистъ Матѳей за исход-

ный пунктъ, представленнаго имъ родословія, принимаетъ Авраама и по нисходящей линіи доводитъ счетъ до Іосифа мнимаго отца Господа Іисуса. Евангелистъ Лука слѣдуетъ совершенно обратному порядку: онъ начинаетъ счетъ предковъ Спасителя съ послѣдняго звѣна въ этой длинной цѣпи и восходитъ, такимъ образомъ, не до Авраама только, но до самаго перваго человѣка, созданнаго Богомъ. «Іисусъ, повѣствуетъ этотъ Евангелистъ, былъ, какъ думали, сынъ Іосифовъ, Іліевъ, Адамовъ, Божій. Въ этомъ конечно нѣтъ еще никакого противорѣчія между двумя св. писателями. Въ такомъ безразличномъ дѣлѣ какъ планъ и порядокъ родословія они могли избирать такую или другую форму, и это тѣмъ болѣе что строго опредѣленной формы для родословія у евреевъ не было. Конечно родословіе по нисходящей линіи, кажется формою болѣе естественною; но въ св. книгахъ встрѣчаются родословія написанныя и въ обратномъ порядкѣ по линіи восходящей (1 Пар. гл. V). Въ этомъ случаѣ за общее правило удобнѣе всего принять то, что еврейскіе писатели, какъ замѣчаютъ нѣкоторые изслѣдователи этого предмета, при изложеніи родословія обыкновенно начинали счетъ родовъ съ того лица, которое упоминалось послѣднимъ въ самомъ разсказѣ писателя.³⁾ Послѣ этого понятно, почему Евангелистъ Лука, сказавши о крещеніи Господа Іисуса, вслѣдъ затѣмъ начинаетъ перечислять Его родословіе, говоря: «Іисусъ былъ, какъ думали, сынъ Іосифовъ, Іліевъ и т. д.; между тѣмъ какъ Еванг. Матѳеемъ излагаетъ родословіе Спасителя прежде всякаго разсказа, такъ сказать, предпосылаетъ его своему повѣствованію и потому онъ прямо начинаетъ изложеніе родословія съ общихъ родоначальниковъ и доводитъ его до того лица, исторію котораго намѣренъ излагать подробно. Въ этомъ отношеніи, значитъ, разность между св. писателями въ перечисленіи предковъ Спасителя совершенно случайная. Равнымъ образомъ также случайно, хотя въ другомъ отношеніи и важно, то обстоятельство, что Еванг. Матѳеемъ начинаетъ счетъ родовъ съ Авраама и выше его уже не простирается, а св. Лука доводитъ этотъ счетъ до перваго человѣка. На этотъ пунктъ Отцы церкви представляли свои соображенія. Амвросій⁴⁾ и Теофилактъ⁵⁾ говорятъ, что Ев. Лука, доводя родословіе Спасителя до Бога, желалъ тѣмъ самымъ показать предвѣчное Его рожденіе по Божеству, а Матѳеемъ имѣлъ въ виду рожденіе плотское по обѣтованіямъ, даннымъ Аврааму и Давиду. Св. Епифаній думаетъ что Евангелистъ при этомъ имѣлъ въ виду первое обѣтованіе (Быт. III, 15) и хотѣлъ показать «бого погибшаго искалъ Христосъ рождаясь.»⁶⁾ Признавая важность этихъ взглядовъ св. Отцовъ, дѣло это мож-

³⁾ Curs. Compl. t. XXI, p. 385.

⁴⁾ Comment. in Luc. lib. 3.

⁵⁾ Благовѣстн. на Лук.

⁶⁾ Епиф. haeres. 51.

но объяснить и инымъ образомъ, взявъ во вниманіе самыя лица или общества, для которыхъ первоначально назначены были оба Евангелія. Евангелистъ Матѳей писалъ свое Евангеліе для увѣровавшихъ изъ иудеевъ и потому для него важно было показать исполненіе обѣтованій, данныхъ Богомъ Аврааму и Давиду—самымъ великимъ и уважаемымъ всѣми евреями личностямъ—и указать, что Иисусъ есть прямой потомокъ этихъ личностей, чѣмъ подтверждалось, значить, и то, что самое происхожденіе Иисуса по плоти вполне согласно съ понятіемъ о Немъ, какъ Мессіи. Для увѣровавшихъ же изъ язычниковъ, которымъ предназначалъ свое Евангеліе св. Лука, то обстоятельство, что Иисусъ былъ и прямой потомокъ Авраама и Давида, не представляло особенной важности; для нихъ несравненно болѣе значенія имѣла та связь, въ какой находился этотъ потомокъ Давида со всѣмъ человѣчествомъ,—что Онъ былъ лицомъ далеко нечуждымъ и для язычниковъ, также какъ и для Евреевъ.

Болѣе важною кажется разность между двумя Евангелистами въ самомъ числѣ предковъ Богочеловѣка. Евангелистъ Матѳей, изложивши родословіе Спасителя, въ заключеніе дѣлаетъ, такъ сказать, общее обозрѣніе его, распредѣляя всѣхъ поименованныхъ имъ лицъ по тремъ важнѣйшимъ періодамъ еврейской исторіи. Итакъ, повѣствуетъ онъ, «всѣхъ родовъ отъ Авраама до Давида, родове четырнадцать: и отъ Давида до преселенія Вавилонскаго, родове четырнадцать: и отъ преселенія Вавилонскаго до Христа, родове четырнадцать». (17 ст.) Такимъ образомъ св. Матѳей насчитывая отъ Авраама до Иисуса Христа только 42 рода, между тѣмъ какъ св. Лука въ этотъ же періодъ времени насчитываетъ значительно большее число родовъ. Въ свою очередь и эта разность между двумя Евангелистами обращала на себя вниманіе комментаторовъ и толкователей писанія, и для устраненія ея высказано было много различныхъ мнѣній. Мы считаемъ дѣломъ совершенно лишнимъ и бесполезнымъ перечислять и подробно разбирать здѣсь всѣ эти мнѣнія, и ограничимся только указаніемъ на два мнѣнія объ этомъ предметѣ кажушимся намъ болѣе другихъ вѣрными. Амвросій ⁷⁾ и Августинъ ⁸⁾, по поводу этой разности между Евангелистами, замѣчаютъ, что тѣ лица, которыхъ перечисляетъ Евангелистъ Матѳей, жили гораздо долѣе лицъ перечисленныхъ св. Лукою. Но болѣе вѣрнымъ нужно признать то, что Ев. Матѳей, начиная съ Соломона сына Давидова, ведетъ родословіе Спасителя совершенно по другой линіи, чѣмъ св. Лука, и потому естественно въ этой послѣдней линіи въ тотъ же періодъ времени могло быть большее число родовъ. При томъ—и это главное—св. Матѳей, въ представленномъ имъ родословіи, не перечисляетъ подробно всѣхъ родовъ въ строгой ихъ преемственности. Между перечисленными имъ родами есть значительныя пропуски: такъ

⁷⁾ Coment. in. Lucan. lib. 3.

⁸⁾ Augur. lib. 1, Quaest. in Gen. p. 121.

Сдостоверно известно, что во второмъ отдѣлѣ родословія Евангелистъ намѣренно опустилъ 3 хъ царей: Охозію, Іоасса и Амасію, которые, по свидѣтельству 4 кн. Царствъ (8. 24—26) и 1 параллпоменонъ (Ш, II и слѣд.), царствовали въ Іудеѣ въ періодъ времени отъ Іоарамъ до Озіи, а потомъ между Іосією и Іехонією опустилъ Іоакима (4 Пар. XXIII, 34; 1 Пар. III, 15, 16.). Точно также съ полною вѣрностію можно думать, что и въ третьемъ отдѣлѣ родословія есть значительные пропуски, указать на которые мы будемъ имѣть еще случай ниже. Подобные пропуски въ родословіи не принадлежать исключительно одному только св. Матѳею; примѣры ихъ можно видѣть и у ветхо-завѣтныхъ писателей (1 Пар. VI, 3—15; Еedr. VII, 1—5, срав. 1 Пар. VII, 7—9). Такіе пропуски вовсе не могутъ быть поставлены въ укоръ свящ. писателямъ, такъ какъ они нисколько не нарушаютъ исторической истины. И при этихъ пропускахъ писатели остаются вѣрными своему изложенію и достигаютъ преслѣдуемой ими цѣли. Истина происхожденія одного лица отъ другаго нисколько неизмѣняется отъ того, какъ будетъ указано это происхожденіе, — съ подробнымъ ли перечисленіемъ всѣхъ посредствующихъ членовъ, или съ указаніемъ только главныхъ. По этому пропускъ въ извѣстной генеалогіи нѣсколькихъ посредствующихъ членовъ нельзя считать для ея составителя какимъ-либо важнымъ отступленіемъ и дѣломъ необычайнымъ. Это, по замѣчанію нѣкоторыхъ ученыхъ, общая черта всѣхъ семитовъ⁹⁾. Последнее объясненіе нужно признать тѣмъ болѣе вѣрнымъ и вполне удовлетворительнымъ, что и самъ Евангелистъ, изложивши родословіе Спасителя, даетъ понять, что онъ имѣетъ въ виду численную соразмѣрность а не строгую преемственность родовъ и что слѣдовательно могъ намѣренно опустить нѣкоторыхъ лицъ изъ представленнаго имъ родословія. Для большей силы этого послѣдняго объясненія мы считаемъ не лишнимъ замѣтить еще и то, что употребляемый вездѣ Евангелистомъ терминъ *роди* (ἐγέννησε, genuit) не всегда означаетъ непосредственное рожденіе сына отъ отца; но имъ обозначалось также и посредственное происхожденіе чрезъ внука и правнука. Іудеи, напр. говорили не только: отецъ родилъ сына, но и дѣдъ, даже пра-дѣдъ родилъ внука, или правнука (Быт. XXVIII, 13; Числ. XVIII, 1, 2; 3 Цер. XV, 11, 24 и др.), и они въ этихъ случаяхъ такъ говорятъ дѣда или пра-дѣда называли отцомъ, а внука или правнука называли сыномъ. Въ послѣднемъ смыслѣ эти выраженія до того были обыкновенны между іудеями, что наследники и преемники царства часто назывались у нихъ сынами тѣхъ лицъ, послѣ которыхъ вступали

⁹⁾ Jean—Augustin Bost. Diction. de la Bible. t. 1, 469; Wallon. De la croyance due à l'Évangile, p. 412. Валленъ указываетъ примѣры такихъ пропусковъ въ генеалогіяхъ арабовъ и въ частности Магомета.

на престоль, хотя они и не были ихъ дѣтьми. (2 Пар. XXXVI, 10; Иер. XXXVII, 1, и др.). Мы сдѣлали это послѣднее замѣчаніе частію и потому еще, что нѣкоторые изъ современныхъ критиковъ рационалистовъ, основываясь на буквальномъ пониманіи термина *рода* и совершенно оставляя безъ вниманія большее количество родовъ въ родословіи, записаннымъ Ев. Лукою, а также и пропуски нѣкоторыхъ лицъ въ самомъ родословіи, помѣщенномъ у св. Матѳея, принимаютъ 42 рода, насчитанные этимъ послѣднимъ Евангелистомъ, за строго определенное нормальное число предковъ Спасителя и на этомъ основываютъ свои возраженія противъ подлинности самыхъ родословіи. Слѣдуя общеупотребительной хронологіи, говоритъ Эйхталь, отъ преселенія Авраама въ Ханаанъ прошло около 1965 лѣтъ. Вступленіе на престолъ Соломона послѣдовало въ 1018 г., а разрушеніе Іерусалима въ 586 г. Каждый изъ трехъ періодовъ приблизительно простирается до 947, 432, 586. Полагая въ каждомъ изъ періодовъ по 14 родовъ, получимъ среднюю цифру времени между родами: для перваго періода 66, для втораго 31 и 42 для третьяго. Почему такое неравенство въ цифрахъ? Почему для всѣхъ періодовъ одно и тоже число родовъ? Таковъ одинъ изъ главныхъ резонанъ, на основаніи которыхъ Эйхталь отвергаетъ подлинность родословіи Спасителя.¹⁰ Но послѣ того, что мы сказали уже о сравнительно маломъ числѣ родовъ въ представленномъ Евангелистомъ Матѳеемъ родословіи, считаемъ совершенно лишнимъ отвѣчать на это возраженіе рационалиста, тѣмъ болѣе что и самъ онъ на слѣдующей же страницѣ своихъ критическихъ изслѣдованій, разбирая второй отдѣлъ того же самаго родословія, говоритъ о пропускѣ въ немъ четырехъ царей, что значительно понижаетъ уже, приведшую его въ затрудненіе, среднюю цифру между родами и ослабляетъ силу самаго возраженія. Мы думаемъ что еслибы Эйхталь былъ также придиричивъ и мѣлочно внимателенъ и при разборѣ слѣдующаго (3) отдѣла родословія, онъ долженъ бы былъ отказаться отъ многихъ возраженій сдѣланныхъ имъ еще при общемъ разборѣ упомянутаго родословія. Разбирая разности между евангелистами въ счетѣ предковъ Спасителя, нельзя не обратить вниманія и на самое число родовъ въ каждомъ отдѣлѣ родословія, помѣщеннаго въ Евангеліи Матѳея. Обыкновенно указываютъ, что въ третьемъ отдѣлѣ родословія, простирающемся отъ плѣна Вавилонскаго до Христа поименованы Евангелистомъ Матѳеемъ только 13 родовъ, а нѣкоторые хотятъ видѣть подобный же не дочетъ родовъ и во второмъ отдѣлѣ. Для устраненія этого недоумѣнія и возстановленія правильнаго счета родовъ Валленъ¹¹) совѣтуетъ считать концомъ втораго отдѣла родословія имя царя Іосіи, и это на томъ основаніи, что слѣдующій за нимъ (по счету Ев. Мат.) царь жилъ во время самаго плѣна. Сверхъ

¹⁰) Eichthal. Les Evangiles, t. 1, d. 161, 162.

¹¹) Wallon. De la croyance à l'Evangile, p. 412, 413.

того Валленъ думаетъ, что Евангелистъ помѣщаетъ царя Давида и царя Іосію, какъ начало и конецъ различныхъ отдѣловъ родословія. Такой способъ считать два раза конецъ, по замѣчанію этого изслѣдователя, общій древнимъ, и онъ долженъ имѣть свое приложение и въ настоящемъ случаѣ. Такимъ образомъ отъ Авраама до Христа, согласно съ указаніемъ самаго Евангелиста (1, 17) получается 42 рода, а въ каждомъ отдѣлѣ родословія—по 14 родовъ. Мы не видимъ причины, почему авторъ статьи «Опытъ объясненія на евангеліе Матвеея»¹²⁾, называетъ такой счетъ «произвольнымъ и не имѣющимъ для себя ни какихъ основаній». Напротивъ, остальные два порядка счета, принятые авторомъ упомянутой статьи, отличаются гораздо большимъ произволомъ и неосновательностію, чѣмъ счетъ Валлена. Въ первомъ изъ этихъ счетовъ, вводящемъ во второй отдѣлъ родословія имя Іоакима, котораго нѣтъ въ значительномъ большинствѣ древнихъ манускриптовъ Евангелія, и требующемъ два раза считать имя царя Іехоніи, дѣлается во 1) совершенно лишнее и мало основательное измѣненіе въ текстѣ Евангелія и во 2) допускается явный произволъ въ требованіи считать имя Іехоніи въ концѣ втораго и потомъ въ началѣ третьяго отдѣловъ родословія. Не менѣе неосновательности и произвола видно и во второмъ порядкѣ счета, тоже одобренномъ и принятомъ авторомъ упомянутой статьи. По этому второму способу счета требуется тоже, или двойной счетъ Іехоніи, и сверхъ того для пополненія третьяго отдѣла вводится имя Господа Іисуса, или вставка въ текстъ Евангелія Матвеея имени Іоакима¹³⁾. Послѣ этого мы вправѣ считать, принятый Валленомъ способъ счета, менѣе произвольнымъ, чѣмъ разобранные нами способы и на столько достовѣрнымъ, чтобы принять его за неимѣніемъ болѣе вѣрныхъ.

Теперь остается рѣшить вопросъ—для чего Евангелистъ Матвей при изложеніи родословія Спасителя, раздѣлилъ всѣ роды на три отдѣла, строго разграничивая каждый изъ нихъ? и какую цѣль имѣлъ онъ въ виду при такомъ дѣленіи? Мы не думаемъ, чтобы это дѣленіе было совершенно случайное и не соединялось ни съ какою мыслию; но съ другой стороны мы также далеки и отъ мысли находить въ немъ мистическій смыслъ заключающійся будто-бы «въ священномъ и знаменательномъ числѣ 14, какъ происшедшемъ отъ 7, умноженнаго на 2», что дѣлаетъ авторъ статьи «Опытъ объясненія на Евангеліе Матвеея»¹⁴⁾. Последняя натяжка—дѣло совершенно лишнее: мистицизмъ и кабалистическое толкованіе чиселъ гораздо болѣе затемняетъ, чѣмъ освѣ-

¹²⁾ Прав. Собесѣдн. за 1865 г. Іюль, стр. 187—189.

¹³⁾ Нѣкоторые изслѣдователи св. Писанія для пополненія третьяго отдѣла родословія, представленнаго Евангелистомъ Матвеемъ вносятъ въ счетъ переселеніе вавилонское, принимая его за особый членъ родословія (Rosenmull., t. 1, p. 20.) Но это нововведеніе можетъ похвалиться скорѣе своею оригинальнію, чѣмъ основательностію.

¹⁴⁾ Прав. Собесѣдн. за 1865 г., іюль стр. 190.

щает спорный предмет и во всякомъ случаѣ скорѣе отодвигаетъ отъ истины, чѣмъ служить къ ея отысканію и уясненію. И помимо всякихъ мистическихъ натяжекъ внутренней смыслъ дѣленія, принятаго св. Матвеемъ, ясенъ самъ собою. Это дѣленіе обнимаетъ три важнѣйшіе періода еврейскаго народа: періодъ его образованія въ отдѣльное политическое общество, высній моментъ его процвѣтанія и развитія и наконецъ періодъ упадка и за тѣмъ возстановленія народной самостоятельности. Кромѣ того оно совмѣщаетъ въ себѣ три важнѣйшихъ момента, особенно многозначительныхъ по обилію и ясности обѣтованій Божіихъ о пришествіи Мессіи и служить, такъ сказать, обозначеніемъ этихъ моментовъ. Но при этомъ внутреннемъ дѣленіи родословія комментаторы и толкователи св. Писанія далеко не чужды и мысли о томъ, что Евангелистъ, принимая такое дѣленіе, имѣлъ въ виду и цѣль внѣшнюю. Дѣленіе это, какъ замѣчаетъ Розенмюллеръ сдѣлано по обычаю іудеевъ и особенно іудейскихъ раввиновъ любившихъ остроумныя сближенія вообще и въ частности въ цифрахъ ⁴⁵⁾. Это мнѣніе не лишено своей доли вѣроятія; но забывая болѣе вѣрное въ этомъ случаѣ нужно принять общераспространенное мнѣніе, что Евангелистъ употребилъ это дѣленіе съ цѣлью облегченія памяти читателя и для удобства при запоминаніи родословной таблицы ⁴⁶⁾.

(Продолженіе будетъ).

Нѣсколько психологическихъ замѣчаній о различіи духовнаго отъ органическаго.

(по поводу современныхъ ученій натуралистовъ о человѣкѣ).

Современная наука о природѣ въ своемъ высшемъ стремленіи къ одной общей теоріи, которая должна объять всю цѣпь матеріальныхъ явленій, постепенно восходя отъ низшихъ формъ къ высшимъ—безъ скачковъ, безъ перерывовъ, принимаетъ широкое воззрѣніе, что жизнь есть свойство ¹⁾ всей матеріи, что природа есть цѣлое, во всѣхъ частяхъ своихъ проникнутое и движимое жизненно-органическою силою, и что дѣленіе существъ на одушевленные и неодушевленные есть только временная классификація, долженствующая въ послѣдствіи вмѣстѣ со всѣми подобными дѣленіями исчезнуть въ болѣе высокомъ и обширномъ строѣ мыслей». По мѣрѣ того, какъ наши знанія подвигаются впередъ, замѣчаетъ Богдъ въ своей исторіи цивилизаціи, вѣра въ органическое поглощаетъ вѣру въ неорганическое». Поэтому животные, какъ высшее развитіе этой силы, на взглядъ современнаго естествознанія, пред-

⁴⁵⁾ Rosenmul. Schol.

⁴⁶⁾ Pol. Sinaps. critic. Strauss. § 19 t. 1 p. 150.

¹⁾ Ист. цив. Богдм. Том. II, стр. 463.

ставляются не машинами, не автоматами, а существами, имѣющими кромѣ тѣла начало жизни органическое, психическое: душу. Наблюденія надъ образомъ жизни и нравами животныхъ открыли въ нихъ много сходнаго и общаго съ духовной жизнью человѣка.

Теперь, какимъ образомъ начало той и другой жизни—органическую душу и духъ признать двумя совершенно различными другъ отъ друга существами? Понятно для насъ такое отличие грубой матеріи отъ духа: но душу и духъ мы можемъ мыслить какъ равно невидимыя, равно невещественныя субстанціи, принадлежащія къ общему роду существъ живыхъ, одушевленныхъ. Такъ привыкли думать мы, видя совмѣстное существованіе этихъ началъ въ человѣкѣ. Это совмѣстное существованіе—новый поводъ къ недоумѣнію: какъ разграничить эту общую—единую жизнь, какъ бы одно съ другимъ сливающихся, началъ? Что приписать духу и что—организации, когда то и другое этотъ же самый духъ относить къ одному и тому-же я?... Еще новый фактъ: и новое недоумѣніе: на извѣстной степени своего развитія человѣкъ не отличается отъ животнаго, напр. идиотъ, дитя, дикарь, а иногда и развитый уже человѣкъ, отъ поврежденія органическаго, становится чистымъ животнымъ, напр. сумасшедшій, развратный. Въ томъ и другомъ случаѣ человѣкъ однако-же не перестаетъ быть человѣкомъ, а помѣнію нѣкоторыхъ представляетъ даже чистый типъ человѣка естественнаго... Все это, взятое вмѣстѣ, не ведетъ-ли къ тому заключенію, что человѣкъ и животное въ сущности суть виды одного общаго рода,—что духовная жизнь перваго есть не болѣе, какъ развившаяся до своихъ послѣднихъ результатовъ жизнь органическая, подобно какъ его организациія есть вѣнецъ матеріальной природы,—что, идя параллельно развитію организации и отъ нея завися, развитіе жизни духовной можетъ остановиться при остановкѣ первой, и тогда человѣкъ показываетъ самымъ дѣломъ, что онъ тоже животное?... Къ такому заключенію и пришли въ новѣйшее время (какъ ни страннымъ кажется это въ вѣкъ особеннаго развитія чувства человѣческаго достоинства, когда цѣль всѣхъ стремленій полагается—*чуждость!*) натуралисты—психологи, признавая духъ окончательно развившеюся, въ слѣдствіе высшей *крѣпости первоспособностей* ²⁾, душою животнаго, а человѣка высшимъ видомъ животнаго міра, явившимся путемъ естественнаго происхожденія или преобразованія видовъ ³⁾.

Этотъ взглядъ на отношеніе духовной жизни къ органической—натуралистовъ-психологовъ, представившихъ тонкій анализъ мно-

²⁾ Neue psychologie, als Wissenschaft. Бенеке.

³⁾ «О происхожденіи видовъ»... Дарвина.

гих явленій жизни психической и своею общою идеею увлекшихъ многихъ въ настоящее время, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Поэтому рѣшившись высказать нѣсколько и своихъ замѣчаній объ этомъ предметѣ, мы будемъ имѣть въ виду ихъ теорію о духѣ.

Что различіе между человѣкомъ и животнымъ со стороны ихъ внутренней жизни—есть, было-бы излишне доказывать. Не трудно такъ-же просто перечислить частныя черты этого различія, всѣмъ болѣе или менѣе давно извѣстныя. Гораздо важнѣе для жизни и труднѣе для рѣшенія научнаго, вопросъ: какъ на основаніи данныхъ фактовъ понимать это различіе,—какъ далеко простираться оно? есть-ли оно только степенное, или качественное, существенное? Другими словами: есть-ли человѣкъ по своей духовной жизни только совершеннѣйшій видъ животнаго царства, или онъ существо совсѣмъ иной природы, иного высшаго рода.

Чтобы выразить наше собственное мнѣніе и оцѣнить взглядъ натуралистовъ на этотъ предметъ,—необходимо раскрыть: откуда происходитъ и въ чемъ обнаруживается психическая жизнь животнаго. Выводы изъ положеній натуралистовъ много облегчаютъ дѣло и избавляютъ отъ упрека въ произвольности опредѣленій.

I.

И такъ—что такое животное? Это, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, есть по взгляду новѣйшихъ натуралистовъ, высшій видъ развитія жизни неорганической силы природы, есть какъ-бы сосредоточеніе, обособленіе общей жизни матеріи въ индивидуальномъ, органическомъ единствѣ. Общая органическая сила природы, первоначально какъ-бы расплывшаяся въ мірѣ неорганическомъ, и потомъ нѣсколько собравшаяся на низшей ступени царства органическаго,—образовавшая изъ основныхъ простыхъ началъ живое органическое единство растенія,—наконецъ всецѣло сосредоточивается, является какъ-бы въ миниатюрѣ,—въ живомъ индивидуумѣ, развивая изъ первоначальнаго пластическаго принципа стройное единство органовъ, одаренныхъ силою самодвиженія, и имѣющихъ цѣлю въ постоянномъ взаимодействіи другъ съ другомъ поддерживать эту относительную самостоятельность индивидуума противъ всѣхъ внѣшнихъ вліяній. Вотъ откуда происходитъ и въ чемъ состоитъ жизнь животнаго, вообще разсматриваемая. Такъ представляеть происхожденіе живыхъ тварей и Богородивенный созерцатель мірозданія. Говоря о немъ, онъ уже влагаеть въ уста создателю не прежнее, простое: *да дудетъ*, но *да изведетъ земля, да изведутъ воды...* та земля, тѣ воды, надъ коими *въ началѣ носилъ животворящій Духъ Божій* 4), кои слѣд. проникнуты, согрѣ-

4) Быт. 1.

ты животворною силою. Это *изведение* не есть ли обособленіе живой общей силы, творчески вѣдренной въ землю и воды, какъ въ первоначально созданную матерію всего мірозданія? Такимъ образомъ въ краткомъ словѣ Божескаго повелѣнія очертывается и начальная и, какъ увидимъ далѣе, вся послѣдующая жизнь животного. Поучительно видѣть въ одномъ за нѣсколько тысячъ лѣтъ свыше-вдохновенномъ словѣ все то, до чего любознательному уму чловѣка дойти—стоило такихъ усилій и столькога времени.

Отсюда дѣлается понятною и психическая жизнь животныхъ въ частности, сводимая въ слѣдствіе наблюденій надъ нею къ тремъ главнымъ видоизмѣненіямъ: а) первоначальнымъ впечатлѣніямъ, ощущеніямъ и стремленіямъ; б) понятливости, смѣтливости (*аналогон rationis*), вообще дѣйствованію по ассоціаціи идей; в) собственно инстинктивнымъ побужденіямъ, ощущеніямъ и познаніямъ.

Основной законъ всякаго существа въ природѣ есть законъ *самоподдержанія*, котораго частнѣйшій выводъ представляетъ законъ *дѣйствія и воздѣйствія* ⁵⁾, — «борьба за существованіе». (Дарвинъ). Очевидно, что чѣмъ ни индивидуальнѣе существо, тѣмъ сильнѣе долженъ дѣйствовать въ немъ этотъ основной законъ борьбы за свое существованіе. Посему въ жизни животного организма, какъ въ существѣ, имѣющемъ индивидуальную самостоятельность, этотъ законъ долженъ выражаться съ особенною силою. Всеобщая сила жизни, въ немъ обособившаяся, должна поддерживать постоянно это обособленіе, посредствомъ ея развитыхъ органовъ, *внутри* все внѣшнее необходимое для существованія организма. Такимъ образомъ большее и большее обособленіе отъ всего внѣшняго составляетъ жизнь индивидуума и посему жизнь его необходимо есть жизнь *субъективная*.

Вслѣдствіе этого все содержаніе жизни животного раскрывается съ первымъ-же моментомъ его бытія, такъ какъ въ самый первый моментъ должны существовать отношенія его ко внѣшнему. При самомъ первомъ прираженіи внѣшняго къ индивидууму, органическая сила жизни, проникающая его во всѣхъ частяхъ, получаетъ толчекъ, и, по силѣ реакціи, какъ бы выходитъ изъ своей глубины къ предмету ⁶⁾. Такъ происходитъ первоначальное *впечатлѣніе*. Но субъективная сила не можетъ ограничиться такимъ чисто-страдательнымъ положеніемъ; она должна стремиться не только высвободиться изъ подъ вліянія предмета, но и подчинить его себѣ. Выступивъ въ органъ, на который произошло дѣйствіе внѣшняго, какъ впечатлѣніе, сила жизни должна въ свою очередь дѣйствовать и на предметъ чрезъ этотъ-же органъ: должно произойти, такъ сказать, *внутреніе* органомъ внѣшняго впечатлѣнія⁷⁾. Свойство это-

5) Гербартъ. 6) Гербартъ. 7) Бенеке.

го внутрення, само собою разумѣется, зависитъ отъ свойства и назначенія органа; поему иначе въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ органъ зрѣнія, иначе органъ слуха и т. д... Но какъ-бы то нибыло, только это воздѣйствіе въ индивидуумѣ уже восходитъ на степень *воспріятія* чувственныхъ впечатлѣній, *замышленія*, чувственного *ощущенія*. Въ силу того, что всякое дѣйствіе какъ на органъ, такъ и органомъ относится ко всему индивидууму, какъ цѣлостному единству органовъ: то воспріятое впечатлѣніе, сообщаясь всему индивидууму, производитъ новыя явленія, дѣйствія другихъ органовъ. Скорѣйшее или болѣе медленное обращеніе крови, произошедшее въ организмъ въ слѣдствіе впечатлѣнія на нервы, если оно довольно сильно, производитъ то или другое состояніе въ немъ, извѣстное подъ спеціальнымъ названіемъ *ощущенія*, которое бываетъ двухъ родовъ: *пріятное*, если предметъ способствуетъ жизни организма, *пріемлется* имъ, или *непріятное* если на оборотъ. Далѣе, проходя до системы, мышцъ какъ совокупности органовъ движенія, воздѣйствіе, какъ ощущеніе, переходитъ въ стремленіе или къ предмету, въ случаѣ ощущенія пріятнаго, или отъ предмета въ случаѣ не пріятнаго,—такъ происходитъ *самопроизвольное движеніе*, *дѣйствіе*.

Такимъ образомъ психическая жизнь животнаго, имѣя началомъ своимъ ту-же органическую силу, цѣлю самоподдержаніе въ борьбѣ за свое существованіе, характеромъ субъективность, индивидуальность организма, существуетъ съ первымъ, какъ сказали мы, моментомъ бытія. Отсюда уже видны и границы развитія этой жизни. Очевидно, что въ ней новаго содержанія не чему дать. Это данное въ началѣ содержаніе можетъ только болѣе и болѣе раскрываться и уясняться, становиться, такъ сказать, объемистѣй и раздѣльнѣй.—Каждое впечатлѣніе отъ вѣшняго на органъ приводитъ этотъ органъ въ соотвѣтствіе съ собою для воспріятія впечатлѣнія. Два, три и болѣе разъ повторенное, оставляя каждый разъ какъ-бы *слѣдъ* s), оно производитъ сообразное себѣ расположеніе въ органѣ, такъ или иначе настраиваетъ его къ воспріятію однородныхъ впечатлѣній. Эта настроенность отъ частаго повторенія слѣдовъ какъ-бы затверживается органомъ, какъ и самое впечатлѣніе. Отсюда происходитъ возможность *воспроизведенія* животнымъ прежде бывшихъ впечатлѣній, ощущеній и стремленій и при окончаніи дѣйствія отъ предмета. Кромѣ того, такъ какъ дѣйствуютъ на индивидуумъ предметы разнородные, то и воздѣйствіе организма во всѣхъ видахъ его бываетъ разнородно. И такъ получаютъ организмъ разнородныя впечатлѣнія. Законъ однородности соединяетъ ихъ въ извѣстныя группы, отдѣльныя одни отъ другой, которыя съ каждымъ новымъ повтореніемъ тѣхъ-же одинаковыхъ воспріятій

s) Бенке.

яснѣ и яснѣ обозначаются и образуютъ какъ-бы нѣкоторыя схемы для этихъ воспріятій; такъ происходятъ намѣсто первоначальныхъ, элементарныхъ впечатлѣній, — *ассоціація представлений*; вмѣсто стремленій по первоначальнымъ ощущеніямъ, — дѣйствование по ассоціаціи представлений, — понятливость, смысленность и проч.... Наконецъ, тагъ какъ самое первоначальное дѣйствование на предметъ предполагаетъ ощущеніе собственнаго и предметнаго бытія: то съ каждымъ новымъ отношеніемъ индивидуума ко внѣшнему яснѣе и яснѣе должно обозначаться это *самоощущеніе*, знаніе субъективнаго и объективнаго, хотя безсознательное. Такъ получается цѣлостное индивидуальное сознаніе животнаго, далѣе и выше котораго животное не восходитъ, по свидѣтельству опыта, и не можетъ никогда взойти по своей натурѣ.

Есть еще въ психической жизни животныхъ рядъ явленій особенно поражающей наблюдателей своею необыкновенною правильностію и всегдашнею цѣлесообразностію; это — чудесная практическая мудрость ихъ въ запасѣ пищи и проч., это — удивительное искусство ихъ въ устройствѣ жилищъ, заставившее нѣкоторыхъ признать за ними врожденные *идеи* (Кювье), художническое воодушевленіе (Бемъ). Но единство цѣли этихъ дѣйствій съ прежними ясно показываетъ, что онѣ относятся къ одному и тому-же органическому началу, устроивающему жизнь организма, поддерживающему такое чудное единство и цѣлость всѣхъ частей его въ борьбѣ за существованіе. То, что съ дальнѣйшимъ развитіемъ жизни психической этотъ мудрый инстинктъ дѣлается слабѣе, то, что онъ дѣйствуетъ съ неотразимою необходимостію, какой нельзя признать за разумнымъ и свободнымъ началомъ, то, наконецъ, что, назначенный дѣйствовать для поддержанія существованія организма, онъ раздѣленъ въ такой мѣрѣ, чтобы не нарушать порядка и блага цѣлаго, (такъ отъ страуса *сокрыта премудрость* (Иов. XXXIX 17) сохранять свои яйца, для размноженія рода, потому что хищность этихъ птицъ, при ихъ плодовитости могла бы нарушить равновѣсіе другихъ видовъ), — все это ясное свидѣтельство, что этотъ инстинктъ есть та-же органическая сила жизни, однажды навсегда получившая законъ своего дѣйствования, раздѣленная организмомъ въ мѣрѣ только-что необходимой для поддержанія ихъ въ борьбѣ за существованіе и немѣшающей общимъ законамъ природы.

Открывъ, что начало психической жизни животныхъ есть та-же самая органическая сила, которая устрояетъ ихъ индивидуальный организмъ, мы, еще не касаясь и не разъясняя фактовъ духовной жизни человѣка, не можемъ не замѣтить, что взглядъ натуралистовъ на духъ, какъ на высшее развитіе животной психической жизни, въ выводѣ представляетъ чистый матеріализмъ, только

уточенный и облагороженный. Въ самомъ дѣлѣ, если душа животнаго есть проявленіе общей органической силы матеріи, а духъ высшая форма этого развитія: то не есть ли онъ видоизмѣненіе общей мировой силы жизни, основанія всей матеріи? Не тоже ли онъ нервное тонкое вещество материалистовъ? Еще рѣзче выступаетъ сходство этого натурализма съ грубымъ материализмомъ, если коснемся дальнѣйшихъ его выводовъ. Вѣря ему, человѣку нужно значительно видоизмѣнить понятіе о себѣ, тогда уже слишкомъ гордое, что онъ небеснаго, высшаго происхожденія, — но отказаться отъ своей надежды жить вѣчно, тогда — мечтательной, поменьше быть требовательнымъ къ себѣ и другимъ въ отношеніи нравственности и проч. А отсюда уже видно, какъ устроится его жизнь, если онъ эти выводы науки вздумаетъ перевести въ жизнь!... Сами натуралисты стараются всячески обезопасить себя отъ подозрѣнія въ материализмѣ, предвидя такіе выводы; къ несчастію ихъ, защита ихъ слишкомъ слаба, а данныя слишкомъ сильно говорятъ въ пользу подозрѣнія... Ибо, если нѣкоторые изъ нихъ *) говорятъ, что они *психическое и матеріальное* различаютъ качественно, какъ двѣ величины не соизмѣримыя между собою: то эта непоследовательность противорѣчитъ общей идеѣ и опыту науки. Если психическое есть *органическое*, то какъ можно отдѣлить его отъ *матеріи*? Раздѣлять ихъ такую рѣзкою, демаркаціонною линіею — нѣтъ заключенія, болѣе несогласнаго съ цѣлымъ складомъ новѣйшей мысли. Во всѣхъ отрасляхъ, умозрѣнія передовыхъ мыслителей стремятся къ классификаціи явленій и признавію ихъ различными по степени, а ни какъ не по роду ¹⁰⁾.

II.

Теперь перейдемъ къ другой важнѣйшей части изслѣдованія, къ фактамъ духовной жизни человѣка и посмотримъ: могутъ ли они быть признаны послѣднимъ результатомъ развитой психической жизни, при томъ понятіи какое мы составили о началѣ этой жизни, ея цѣли, характерѣ и границахъ!

Первый по времени и по важности фактъ духовной жизни человѣка есть его личное сознаніе, *самосознаніе*. Его мы не замѣчаемъ у животныхъ; самое высшее у нихъ въ этомъ отношеніи, какъ сказано, есть индивидуальное знаніе, ощущеніе своего индивидуальнаго бытія, но темное и бессознательное. Человѣкъ же извѣстнаго возраста начинаетъ относить все, внутри его бывающее, къ себѣ самому, къ своему я; онъ можетъ прослѣдить всю свою внутреннюю дѣятельность до самыхъ мелкихъ подробностей и въ то же время не пересгавать дѣйствовать; онъ можетъ даже сознать собственное самосознаніе. Субъективная, индивидуальная жизнь живот-

*) У Бенеке. Гербартъ. ¹⁰⁾ Ист. цив. Вока. Т. II, стр. 465.

наго есть результат формального единства органовъ, образуемыхъ общею силою жизни, какъ реальнымъ началомъ. Дѣйствительность всякаго реального принципа т. е. сколько нибудь самостоятельнаго начала ограничивается претвореніемъ объекта въ субъектъ; потому что дальѣ не простирается его цѣль — быть обособленнымъ. Слѣд. субъективное, индивидуальное сознание есть послѣднее, что можетъ органическая сила, какъ начало психической жизни. Это сознание можетъ, пожалуй, имѣть только степени живости и силы, зависящія отъ большей крѣпости первоспособностей, или органовъ; но ни какая крѣпость ихъ не въ состояніи представить, сознать добытую субъективность. Съ личнымъ сознаниемъ начинается новый и иной процессъ духовной жизни. Здѣсь это самосознание, сама субъективность дѣлается предметомъ (объектомъ) представленія. Но, чтобы представлять, необходимо представляющее; это представляющее по отношенію къ представленію необходимо должно стоять *вне*, отрѣшено, независимо отъ него. И такъ, если признать психическое начало началомъ самосознанія, какъ своего высшаго развитія, то необходимо предположить, что сознавая свою индивидуальность, образуемую единствомъ дѣятельности органовъ — душа животнаго отрѣшается отъ этого органическаго единства... Но какъ можетъ она отрѣшиться отъ (этого) органовъ, когда она не что иное, какъ это же самое органическое единство, когда вся психическая жизнь органами строится, отъ нихъ зависима и съ отнятіемъ ихъ должна теряться въ общей сферѣ бытія, какъ исчезаетъ гармонія съ уничтоженіемъ струны, ее производящей?... И такъ, если у человѣка съ извѣстныхъ поръ начинается новый процессъ въ сознании собственной субъективной жизни, если онъ каждую добываемую субъективную дѣятельность можетъ дѣлать новымъ объектомъ для представленія: то необходимо предположить, что въ немъ выступилъ новый принципъ жизни, который можетъ отрѣшиться отъ собственной субъективности или жизни органическо-психической, и слѣд. необходимо признать, что духъ, какъ начало самосознанія, есть совершенно другое существо, отъ его собственной и вообще всякой животной организаціи отдѣльное, существо независимое, самостоятельное, личное. *Личность* человѣческая есть духовная основа самосознанія...

Самосознание есть первый, такъ сказать, шагъ духа. Съ постепеннымъ раскрытіемъ его измѣняется картина внутренней жизни человѣка. Самосознавшій себя духъ, развиваетъ изъ своей глубины новую жизнь *разума, чувствованій и свободы*. Въ каждой изъ этихъ областей новый принципъ жизни, отрѣшившійся еще въ самосознаніи отъ жизни органической-психической, рѣзче и рѣзче обозначаетъ себя, яснѣй и яснѣй выступаетъ съ своимъ высшимъ

характеромъ, новыми высшими цѣлями, новымъ совершеннѣйшимъ закономъ жизни. Анализъ этой новой жизни духа во всѣхъ областяхъ ея болѣе и болѣе подтверждаетъ и дѣлаетъ неопровержимымъ открытое нами чрезъ анализъ самосознанія, — то есть, что духъ есть совершенно другое, качественно различное отъ животной органической души, существо совершенно другою рода.

Самый бѣглый взглядъ на жизнь разумнаго мышленія никакъ не можетъ признать ее только развитіемъ тѣхъ ассоціацій чувственныхъ представленій, которыя составляютъ верхъ познаній животнаго. Въ такомъ бы случаѣ человекъ много видѣвшій, много читавшій, имѣющій обширную память былъ бы отличнымъ мыслителемъ; но опытъ свидѣтельствуетъ на оборотъ, что обиліе представленій и образовъ мѣшаетъ развитію мышленія и имѣющій богатую обширнымъ запасомъ представленій память часто страдаетъ недостаткомъ мыслей.

Мыслящій субъектъ, какъ видно, есть другой, нежели субъектъ представляющій. а) Человѣческое я, достигнувъ независимости отъ жизни психической въ самосознаніи, начинаетъ работу мышленія движеніемъ по представленіямъ чувственнымъ, изысканіемъ отношеній между ними болѣе внутреннихъ, чѣмъ одно простое сходство, данное въ ассоціаціяхъ представленій. Такое движеніе по представленіямъ, какъ само собою очевидно, есть продолженіе того процесса, подъ условіемъ котораго проявляется личное самосознаніе. Слѣдовательно въ самомъ началѣ разумнаго мышленія съ новою силою подтверждается независимость духа отъ органически-психической жизни, его самостоятельность. б) Еще сильнѣе и яснѣе высказывается эта независимость въ дальнѣйшей работѣ мыслящаго духа. Онъ собираетъ, сличаетъ между собою представленія, подчиняя одно другому, восходя отъ частныхъ къ общимъ и т. д.; здѣсь уже видны — не только самостоятельность мыслящаго я, но и полное господство его надъ субъектомъ представляющимъ. в) Результатъ такой дѣятельности характеризуетъ натуру дѣятеля: получаютъ мышленіемъ общія представленія о вещахъ, понятія единства, гармоніи; вся разнородная масса познаній вѣшняго разграничивается, упорядочивается по закону не простой ассоціаціи, но причинной связи между явленіями: такимъ образомъ слагается стройная система познаній. Такое единство и гармонія въ представленіяхъ, до которыхъ никогда не доходитъ психическая жизнь животнаго, какъ чистая форма общей силы, — необходимо ведетъ къ заключенію, что человѣческое представляющее я, есть существо единичное, личное, могущее сосредоточивать всю разнородность представлений: въ слѣдствіе этого получается понятіе о духѣ, какъ *субстанции*, существѣ самостоятельномъ. Другой результатъ пере-

работка мыслящимъ я представленій чувственныхъ есть выводъ, чисто противоположный первоначальнымъ чувственнымъ воспріятіямъ. Вообще-же познающій духъ неудовлетворяется видимою, чувственно-принимаемою стороною вещи, онъ ищетъ за этою стороною невидимаго, основанія, причины, идеи вещи. Такимъ образомъ получается цѣлый рядъ познаній сверх-чувственныхъ, система идей и законовъ явленій. Однородное стремится къ однородному. Следовательно, если предметъ стремленій познающаго духа составляетъ то, что совершенно чуждо органической жизни животнаго: то не естественно-ли заключеніе, что духъ принадлежитъ по своей сущности къ совершенно другому роду, а не къ міру матеріальному. — не животное только усовершеннаго вида органическаго порядка существъ? d) Наконецъ цѣль этой вѣковѣчной работы человѣческой мысли никакъ не поддержаніе жизни организма, — вся цѣль и награда для познающаго духа — добываемая истина. Духъ ищетъ истины ради самой истины. Но какъ цѣль стремленій опредѣляется природою самыхъ существъ: то не необходимо ли опять заключеніе, что два, къ столь различнымъ цѣлямъ стремящіяся существа, существенно между собою различны?...

Жизнь разумная есть основаніе всей духовной жизни человѣка. По этому и область чувствованій, и свободныхъ дѣйствій самосознающаго духа не новыя факты представляютъ, а, только съ нѣкоторымъ отбѣнкомъ повторяя прежніе, съ новою силою и ясностію характеризуютъ духъ, какъ совершенно иное начало, чѣмъ высшее развитіе жизненной организаціи.

Такъ въ *чувствованіяхъ* своихъ духъ является опять: а) независимымъ отъ ощущеній; въ его состоитъ власти сочувствовать имъ, или имѣть, — усиливать ихъ, или успокоивать. б) Даже совершенно иначе чувствовать одно и тоже ощущеніе; духъ можетъ радоваться въ своемъ несчастіи, въ самыхъ жесточайшихъ мукахъ организма, любить врага своего и т. д. в) Предметомъ самаго полнаго сочувствія, самыхъ живыхъ и возвышенныхъ наслажденій духа — нечувственное благо, пріятно дѣйствующее на организмъ, а выше — чувственное, не имѣющее къ нему никакого отношенія, какъ все истинное, доброе, возвышенно прекрасное...

Тѣ же факты представляютъ и *свободное* дѣйствованіе человѣка, если оно истинно свободно. Духъ не влечется безсознательно въ слѣдствіе перваго представленія, опредѣляясь къ дѣйствованію единственно-чувственнымъ побужденіемъ, имѣя цѣлю одно самолюбіе, одно животное благо; но со всѣмъ на оборотъ: а) отрѣшается отъ побужденій, останавливается; б) обсуживаетъ ихъ, сравнивая одно съ другимъ; с) избираетъ не первое чувственное побужденіе, а разумное, какъ бы оно ни представлялось противнымъ животному

му самолюбію, отвергается часто себя; d) избравъ и опредѣливъ себя къ дѣйствованію,—дѣйствуетъ уже твердо, не останавливаясь препятствіями; e) и слѣдовательно имѣетъ въ виду одну цѣль—добро, признаетъ обязательнымъ одинъ законъ—нравственного долга. Отсюда система нравственно-свободныхъ обязанностей и правъ человечества, чему даже слабой аналогіи не представляетъ жизнь животныхъ.

Не станемъ повторять вывода изъ этихъ фактовъ: онъ самъ по себѣ очевиденъ.

Наконць, какія границы этой дѣятельности и жизни духа?... Видя, какъ духъ, пріобрѣтая познаніе за познаніемъ, никогда не удовлетворяется вполне,—какъ, забывая, по выраженію святаго учителя, задняя, простирается впрѣдъ на пути нравственныхъ подвиговъ,—что, не вкушая полного наслажденія ниоднимъ благомъ, постоянно жаждетъ блага истиннаго, проникая взоромъ въ безграничный міръ наукъ, законовъ, искусствъ,—мы вправѣ заключить, что эта дѣятельность не имѣетъ границъ и что ей должна соответствовать жизнь духа безконечная, что человекъ стремится по своей природѣ къ безконечной истинѣ, добру и красотѣ. Осуществленіе этого стремленія мы видимъ въ религіи, состоящей зъ познаніи человекомъ высшей истины, въ уподобленіи высочайшему идеалу добра, въ соединеніи чрезъ видимые образы вѣры съ невидимымъ источникомъ безконечнаго, вѣчнаго блаженства... И такъ религіозная, безконечная и бессмертная жизнь—вотъ послѣдняя черта различія, безмѣрно возвышающая духъ надъ всею матеріальнымъ органическимъ міромъ существъ!...

Такъ путемъ психологическихъ наблюденій, вопреки натуралистическаго ученія, мы приходимъ къ откровенному ученію о человекѣ, изложенному въ книгѣ бытія міра и человека, къ тому ученію, что человекъ созданъ по образу Божию и по подобію.¹¹⁾

Самъ же Богъ—Творческое Слово, Сынъ Божій, принявшій въ Свое Существо образъ человека,—оцѣнилъ достоинство духовной природы и личности человека выше всего міра: «если міръ весь пріобрѣтетъ человекъ, душу-же свою погубитъ, какая въ томъ польза?»

ЗАМѢТКА.

Перечень «Святителей изъ воспитанниковъ Кіевской духовной академіи (съ 1819 г.),» *) помѣщенный во 2 № Воронежскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей и не точенъ и не полонъ.

а) Въ перечисленіи преосвященныхъ по курсамъ замѣтна не точность. Такъ во 2-мъ курсѣ помѣщены: 7) Николай Доброхотовъ, Тамбовскій епископъ обучавшійся въ 3-мъ курсѣ; 9) Григорій Митке-

¹¹⁾ Быт. 1. *) Перепеч. изъ 23 № Херсон. Епарх. Вѣдом.

вичь, архіеп. Калужскій принадлежит къ 5-му курсу воспитанниковъ и т. п.

б) *Не полнота* списка состоитъ въ томъ, что въ немъ не поименованы преосвященные: *Теодасій* (Ал. Григ. Макаріевскій), епископъ Острогжскій (14-го курса), *Теоктистъ*, бывшій ректоръ Кіевской дух. семинаріи (и, можетъ быть, другіе). С. Д. С.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

—Нью-йорская газета «*Evening post*» говоритъ, между прочимъ слѣдующее: Едва Соединенные Штаты пріобрѣли новыя владѣнія, въ которыхъ живутъ индійцы, какъ тотчасъ же противъ нихъ началась истребительная война. Индійцы на Аляскѣ жили очень мирно во время русскаго господства; при новомъ республиканскомъ правительствѣ сей же часъ начались раздоры, и офицеры сѣверо-американскихъ кораблей съ сожалѣніемъ говорятъ, что индійскія деревни стоятъ слишкомъ далеко отъ берега, такъ что ихъ не лзя бомбандировать. (*Голосъ № 91*).

ВѢСТИ ИЗЪ СИТХИ.—Бывшей русской аристократіи въ Ситхѣ уже нѣтъ никого. Россійско-американская компанія уже не существуетъ и въ поминѣ; даже назначенный русскій консулъ въ Ситхѣ выбылъ, вмѣстѣ съ бывшимъ главнымъ правителемъ нашихъ колоній въ С.-Франциско, съ обѣщаніемъ, впрочемъ, въ скорости вернуться обратно. О русскихъ, выбывшихъ на жительство въ С.-Франциско, пишутъ, что они жавутъ теперь скромно, бросили театры и церкви, и немогутъ найти рода занятій. Одинъ собирается торговать въ лавочкѣ яблоками, другой занимается чищеніемъ бобровъ; г-жа Х. шьетъ поденщицею въ магазинѣ и тому подобное. Если это правда, то на первый разъ нельзя имъ позавидовать. Въ *Кронтик. Вѣстн.*, откуда мы заимствуемъ эти извѣстія, прибавляютъ, что у американскаго правительства въ Ситхѣ что-то все не ладится съ колошами, живущими въ проливахъ. Недавно, пишетъ корреспондентъ, хуцновскіе колоши убили опять двухъ американцевъ, и по этому случаю съ недѣлю тому назадъ отправленъ былъ въ проливъ американскій военный пароходъ для надлежащаго розысканія и на казанія виновныхъ. (*Вечер. Газ.*)

ИЗЪ ПИСЬМА ИЗЪ СИТХИ ОТЪ 28 ДЕКАБРЯ 1868 Г.

За выbytіемъ изъ Ситхи въ Россію русскихъ съ семействами и лицъ начальствующихъ, здѣсь осталось русскихъ очень не много, около 300 чел., обоого пола съ старыми и малыми. Но и изъ этого числа съ началомъ весны выбудетъ половина въ разныя мѣста для снисканія пропитанія, такъ какъ въ Ситхѣ все чрезвычайно дорого. За тѣмъ, Ситху населяютъ (кромѣ Колошъ) преимущественно американскіе солдаты. Малолюдство причиною, что по воскресеньямъ и праздничнымъ

днямъ является ко Всенощной, кромѣ священно-церковно-служителей и двухъ наемныхъ сторожей, отъ 2 до 3 человекъ, а къ Литургіямъ отъ 5 до 10 обою пола. Впрочемъ въ Праздникъ Рождества Христова молящихся православныхъ было довольно, и нѣсколько изъ любопытствующихъ американцевъ.

Колоши очень не любятъ американцевъ, а американцы взаимно — Колошъ. Въ новый американскій годъ, по нашему стилю 2 Декабря, въ 7-мъ часу вечера Колоши начали бунтовать, открыли стрѣльбу и ранили двухъ американскихъ солдатъ, однакожь вскорѣ затихли, заслышавъ, что американское военное начальство, усиливъ караулы, распорядилось на ихъ ружейные выстрѣлы отвѣчать пушечною пальбою. На другой день по требованію американскаго начальства выданъ зачинщикъ бунта Колошинскій Тоіонъ изъ Чилькатскаго пролива, пріѣхавшій къ Сятхинскимъ Колошамъ по родству въ гости. Онъ закованъ, и содержится подъ стражею до тѣхъ поръ, пока не выздоровѣютъ раненые американцы. Если же сіи умрутъ, то едва ли не придется тоіону расплатиться своею жизнью.

Слышно, что Преосвященный Павелъ, съ предоставленіемъ ему самостоятельнаго управленія, будетъ именоватся епископомъ *Американскимъ* и *Алеутскимъ*, и что въ скоромъ времени объявлена будетъ самостоятельность Якутской епархіи. (Ирк. Еп. Вѣд.)

Изъ Камчатки. Въ лѣтъ прошедшаго 1868 года въ Камчаткѣ снесло водою одно изъ лучшихъ, чисто камчадалское, безъ примѣси другихъ народностей, многолюдное селеніе Ичинское, на западномъ берегу полуострова между Большерѣбкомъ и Тигилемъ. Церковь свалилась, также снесенъ и домъ священника, хотя стоялъ онъ отъ берега рѣки Ичи слишкомъ на сто сажень, и на его мѣстѣ образовался островъ. Въ этомъ селеніи имѣеть пребываніе Благочинный Протоіерей Стефанъ Веніаминовъ. (Ирк. Еп. Вѣд.)

ПОПРАВКА. Въ № 3-мъ Ворон. Еп. Вѣд. за текущій годъ, на страницѣ 122-й въ статьѣ «Еще о женск. училищѣ», въ 21 подстрочномъ примѣчаніи по ошибкѣ наборщика вкрались совершенно не нужные и не понятныя слова *безъ особой догматическостіи* — ихъ слѣдуетъ уничтожить.

Заявленіе «ДОНА» напечатается въ 5-мъ № Вор. Еп. Вѣдомостей.

Редакторы: Арх. Веніаминъ.
Прот. Ѳ. Никоновъ.

Печатать дозволяется. Цензоры: протоіерей *Скрабинъ* и священникъ *Болковъ*. Воронежъ. Февраля 14-го (дня), 1870 года. Въ типографіи В. Гольдштейна.